

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ БЕГЛОВ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра по изучению истории религии и церкви, Институт всеобщей истории РАН (Москва, Российская Федерация)
dir@igh.ru

Рец. на кн.: Шевченко Т. И. Валаамские иноки в эпоху гонений: Московское подворье Валаамского монастыря и его насельники после революции 1917 г. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2018. – 272 с.

Новая книга известной исследовательницы истории Спасо-Преображенского Валаамского монастыря Т. И. Шевченко посвящена истории Московского подворья ладожской обители советского периода. Книгу выпустило Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, научный редактор издания – доктор церковной истории, профессор, священник А. Мазырин.

Автор прослеживает историю монашеской общины Валаамского подворья с 1917 года до закрытия в 1926 году церкви при его основном историческом здании на Тверской-Ямской улице, а затем – историю нелегального монастыря, основанного подворскими иноками при церкви Ржевской иконы Божией Матери на улице Поварской (Воровского) до 1932 года. В рамках последнего периода исследовательница уделяет особое внимание – в силу специфики дошедших до нас исторических источников – репрессивным акциям советской власти против валаамцев. Судьбы некоторых из них прослеживаются в монографии и до более позднего периода. Необходимо отметить разнообразие источников, на которые опирается автор. Здесь и документы, отложившиеся в российских и финляндских государственных архивах, и материалы следственных дел из архива ФСБ, и опубликованные документы.

Книга написана как микроисторическое исследование и представляет собой историю одной, относительно небольшой по численности, монашеской общины. При этом представляется, что значимость книги для современного этапа изучения истории русского монашества советского периода высока. Именно такого рода исследования, посвященные конкретным общинам, позволяют собрать материал, выявить индивидуальные стратегии адаптации иноков и инокинь к советской репрессивной политике, рассмотреть, как они реагировали на антицерковные акции советской власти и на церковно-политические события. Лишь после появления ряда исследований, подобных рецензируемой книге, в том числе написанных на региональном материале, мы сможем сделать обобщения и приступить к написанию общей истории монашества богочарской эпохи.

Судьба валаамских иноков в представленной книге хорошо вписана в исторический контекст. В частности, рассмотрено, как проходила на Московском Валаамском подворье кампания по изъятию церковных ценностей 1922 года; арест начальника подворья иеромонаха Галактиона (Новикова) соотнесен с «июньской операцией» ОГПУ 1927 года, прошедшей в контексте «военной тревоги», охватившей в то время сталинское руководство. Показана и реакция насельников подворья на церковно-политические события эпохи: обновленческий раскол, постановление Патриарха Московского и всея России Тихона (Беллавина, 1865–1925) о поминовении советской власти, церковную полемику 1927–1928 годов. Удачно прослежены взаимоотношения московских валаамцев с известными иерархами Российской Православной Церкви – Патриархом Тихоном, митрополитом Сергием (Страгородским, 1867–1944), епископом Корнилием (Соболевым, 1880–1933). В связи с этим автором показана церковно-политическая позиция нелегального монастыря валаамцев, основанная на признании легитимности священноначалия Российской Церкви в лице митрополита Сергия (Страгородского) и его Синода и послушании ему. Автор также уделяет внимание связям Московского подворья с самой Валаамской обителью, оказавшейся на территории иного государства, а также – с дипломатическими представителями Финляндии в Москве. Хорошо показана реакция обеих частей монашеского братства: и валаамской (оставшейся в Финляндии), и московской (проживавшей на подворье) – на церковные нестроения, прежде всего на обновленческий раскол и календарную смуту в России и в Финляндии соответственно.

Представляется важным, что автор старается сопоставить жизнь валаамского нелегального монастыря в Москве с жизнью других подпольных монашеских общин столицы в ту эпоху. Это сделано на примере общин мужского Высоко-Петровского монастыря. Между тем материал для сопоставления можно было бы расширить. Московский нелегальный монастырь валаамцев при Ржевской церкви был классическим «домашним» монастырем, то есть возникшим после закрытия самой обители, в данном слу-

чае – Московского подворья. Насельниками в нем были иноки закрытого подворья. Поэтому представляется, что продуктивно сравнивать его именно с монастырями такого же типа. Высоко-Петровский монастырь в качестве единственного объекта сопоставления подходит не вполне: его «костяк», состоявший из братии Свято-Смоленской Зосимовой пустыни, действительно, представлял собой «домашний монастырь», однако подавляющая часть членов высоко-петровских общин состояла из постриженных уже тайно мириан (юношей и девушек). Это придавало определенную специфику жизни этих общин – целью их существования была трансляция православной аскетической традиции в новых условиях. В силу этого интересно было бы сопоставить общину валаамцев и с другими подпольными монастырями (см. [2]). Например, с общиной братии Троице-Сергиевой лавры, продолжавшей жить и служить в Сергиевом Посаде после ее закрытия. Судьба ее членов прослежена в фундаментальной монографии американского исследователя Скотта Кенвортти [5], посвященной истории обители преподобного Сергия в XIX–XX веках. Американская исследовательница Дженнифер Винот [6] изучала историю нескольких провинциальных монашеских общин центрального региона России после их закрытия. Наконец, интересный материал для сопоставления дает выполненная протоиереем Павлом Хондзинским [3] публикация воспоми-

наний и других материалов о жизни в Муроме общины дивеевских монахинь, а также ранее опубликованные воспоминания о тайных монашеских общинах Петрограда и Старого Петергофа, связанных с Александро-Невским братством и в начале 1930-х годов переместившихся в Среднюю Азию [1], [4].

Сопоставление нелегального монастыря валаамцев и перечисленных общин (в том числе и высоко-петровских) позволило бы выявить их общие и особенные черты, выстроить их иерархию, например, с точки зрения открытости к принятию новых членов, сравнить их стратегии выживания. Кроме того, хотелось бы, чтобы автор в своих изысканиях уделила внимание и таким вопросам, как: существовали ли в нелегальном монастыре валаамцев специфические социальные и аскетические практики, обусловленные их подпольным положением или, напротив, принесенные в Москву из родной для них ладожской обители; оказывал ли их «домашний» монастырь влияние на московскую церковную жизнь, и какова была степень этого влияния.

Будем надеяться, что эти и другие вопросы, связанные с особенностями жизни валаамцев под игом богохорческой власти, найдут свое отражение в последующих исследованиях и публикациях автора. Рецензируемая же книга представляет собой заметный вклад в историографию Русской Православной Церкви советского периода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А н т о н о в В. В. Александро-Невское братство и тайные монашеские общины в Петрограде // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2000. Вып. 23. С. 103–112.
2. Б е г л о в А. Л. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви: Арефа, 2008. 352 с.
3. Х о н д з и н с к и й П., прот. Незримая обитель: краткая повесть о жизни дивеевских монахинь в муромском изгнании (с приложением подлинных документов, писем и воспоминаний). М.: ПСТГУ, 2017. 284 с.
4. Ш к а р о в с к и й М. В. Александро-Невское братство 1918–1932 годы. СПб.: Православный летописец Санкт-Петербурга, 2003. 269 с.
5. K e n w o r t h y S c o t t M. The Heart of Russia: Trinity-Sergius, Monasticism, and Society after 1825. New York: Oxford University Press, 2010. 544 р.
6. W y n o t J. Keeping the Faith: Russian Orthodox Monasticism in the Soviet Union, 1917–1939. Texas A&M University Press, 2004. 235 р.

Поступила в редакцию 20.08.2018